

УДК 141.32

ИСПЫТАНИЕ ПОСТГУМАНИЗМОМ: СТОИТ ЛИ КАЯТЬСЯ БЕЛОМУ ГЕТЕРОСЕКСУАЛУ?

А.Н. Фатенков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 04.11.24

В окончательном варианте: 25.12.24

Аннотация. Рассматривается и критически оценивается теория и практика постгуманизма в версии Франчески Феррандо. Под защиту берётся главный противник постгуманистических спекуляций – укоренённый в противоречивой человечности белый мужчина гетеросексуальной ориентации.

Ключевые слова: человек, белый гетеросексуал, гуманизм, постгуманизм, Франческа Феррандо, постантропоцентризм, постдуализм, постиерархизм, постколониализм, феминизм.

THE TEST OF POST-HUMANISM: SHOULD A WHITE HETEROSEXUAL REPENT?

A.N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 04.11.24

Revision submitted: 25.12.24

Abstract. The theory and practice of post-humanism, as presented by Francesca Ferrando, is critically assessed in the text. The author defends the main opponent of post-humanistic speculations – a heterosexual white man rooted in contradictory humanity.

Keywords: human, white heterosexual, humanism, post-humanism, Francesca Ferrando, post-anthropocentrism, post-dualism, post-hierarchy, post-colonialism, feminism.

Не верю в покаяние. В озвученное и прописанное не верю совсем. Сожаление – да, возможно, но и оно под сомнением: что сделано, то сделано. От переживаний, конечно, никуда не уйти. Бывает, что и с экспрессией, – но без мазохистской услады и без игры на публику.

Категорически не приемлю идею коллективной вины. Коллективны некоторые проступки и преступления, вина всегда персональна.

Говоря о белом гетеросексуале, имею в виду прежде всего себя. Не собираюсь ни отказываться от этих идентификационных характеристик, ни каяться в их сбережении – пусть даже кто-то из моих предков был колонизатором, порол жён по субботам и неэкологично относился к природопользованию. Я естественным образом солидарен со своей фамилией – той ветвью человечества, которая подарила мне жизнь, – и это состояние изменению не подлежит. Со многими животными готов поладить, как и с немалым числом людей. Но универсальную солидарность отвергаю. Ни с киборгами, ни с инопланетянами встречаться вообще нет никакого желания. В искусственном интеллекте не нуждаюсь – хватает своего. Физико-техническое бессмертие квалифицирую как сциентистский бред. Таков вчерне обороняемый мировоззренческий плацдарм, как бы он не оценивался со стороны. Возраст тут в помощь. Пока есть человек, который мне дорог и которому сам небезразличен, и мы вместе чай пьём, цивилизация со всеми её трендами может лететь в тартарары. Ничего удивительного: привычный экзистенциалистский настрой.

«Я не гуманист – и к людям отношусь по-человечески. Кого-то люблю, кого-то ненавижу...» [3, с. 45]. Не идентифицируя себя с гуманизмом, видя в нём уязвимые места, сегодня союзнически поддерживаю его в пространстве пересечения идиллической гуманности и реалистичной человечности. У нас общие недоброжелатели: фанатики от религии (фидеизм), науки (трансгуманизм) и медиамультиверсума (постгуманизм). В противовес им уверен: человек со всеми его завихрениями не настолько плох, чтобы нуждаться в кардинальном изменении, в какой-то переборке или достройке.

Остановлюсь далее на разборе позиции постгуманизма, представленной в монографии Франчески Феррандо [4]. Признаться, с трудом, преодолевая антипатию, прочитал её текст.

Философский постгуманизм характеризуется в книге как «онто-эпистемологический, а также этический подход, который выражается в виде философской медиации, которая отказывается от любых дуализмов, служащих основанием для конфронтации, а также от унаследованных иерархий; именно поэтому его можно трактовать в качестве постгуманизма, постантропоцентризма и постдуализма» [4, с. 49–50]. Характеристика-декларация почти дословно воспроизводит интеллектуальную установку постмодернизма. Его вариацией – с акцентом на феминистскую, постколониальную и спекулятивно экологическую децентрацию человека – постгуманизм и является. Впрочем, он и не скрывает своего постмодернистского происхождения, хотя при этом выказывает намерение представить себя сквозным трансисторическим феноменом, отсылая своих сторонников и оппонентов к архаичным изображениям кентаврических существ и отыскивая отдельные штрихи своей позиции в творческом наследии маститых интеллектуалов прошлых времён.

XVIII век. Карл Линней. Он поместил человека в одну систему природы вместе с животными (наряду с обезьянами в разряд приматов). Но, по интерпретации Феррандо, его *Homo sapiens* именовал преимущественно мужчину, тогда как женщина

оказывалась скорее существом не разумным или знающим, а вскармливающим: великий шведский ботаник и попутно многодетный отец был сторонником кормления новорожденных грудным материнским молоком. К тому же он, выделив пять расовых таксонов, предвзято будто бы назвал европейца белым (*albus*) и совсем уж опрометчиво допустил таксон *Homo monstrosus*. Стоит заметить, однако, что половая и расовая дифференциация не выпадает вовсе из постгуманистической стратегии «размножения различий» (термин Розы Брайдогги): это «размножение» надо с чего-то начинать. Вместе с тем вряд ли кто-то из неприемлющих постгуманизм окончательно останавливается на половом и расовом различии людей. Гуманизм, как известно, апеллирует к конкретному человеку – к уникальной, неповторимой личности или индивидуальности. И в своих аутентичных версиях не противопоставляет человека зверю, в чём надуманно обвиняется Феррандо, которая спекулятивным образом уравнивает гуманизм с картезианским мейнстримом западной мысли и с любой версией антропоцентризма. Разумеется, надо держать в уме, что в рамках антропоцентризма могут возникать разные формы социального принуждения, для распознавания и отторжения коих требуются немалые экзистенциальные усилия, и что дуализм твари душевной (картезианской «мыслящей вещи») и твари бездушной (картезианского животного) есть очевидное механистическое урезание гуманизма, бьющее и по животному, и по человеку. Оставаясь верным себе, гуманизм стратегически тяготеет к естественному, а не к искусственному. Творчество для него – вид порождения. Животное – никак не машина. Отличает Линней его, по примеру Конрада Лоренца, и от скотины: в зависимости от того, обнаруживает или не обнаруживает в особи «высокодифференцированные способы поведения» [2, с. 35]. Вегетарианство, кстати, – история нам подтвердит – не гарантирует искоренения садистских и некрофильских наклонностей.

XIX век. Фридрих Ницше. Для постгуманистов (как и для трансгуманистов) он привлекателен тем, что трактовал человека не целью, а этапом, переходным звеном от обезьяны к сверхчеловеку. Но вот ставка немецкого иррационалиста на иерархию (вполне подходящая для трансгуманизма) не укладывается в постгуманистические декларации. При том что в тексте той же Феррандо без труда просматривается завуалированная иерархия: различие для неё несомненно предпочтительнее (стало быть, рангом выше) тождества. Да и с ницшевским сверхчеловеком, если вернуться к нему, не всё так однозначно. Быть может, он никакой не постчеловек, а лишь тот среди нас, кто будет сильнее, умнее и честнее нынешнего индивида. И, как философ в Турине, без раздумий бросится на защиту лошади от артикулирующего рациогегемона.

XX век. Мартин Хайдеггер. У него, с точки зрения Феррандо, масса недостатков: он не только нераскаявшийся сторонник тоталитарного режима, но и нарцисс, «у которого были сексуальные отношения со многими из его студенток» [4, с. 82]. Однако позвольте, если он нарцисс (что вполне допускаю), то вряд ли домогался кого-то – скорее поклонницы вешались ему на шею. И кому здесь предъявлять претензии? Но, несмотря на возмущение, прислониться к знаковой интеллектуальной фигуре столетия стремится и теоретик постгуманизма. Хайдеггеровское отношение к технике, уход философа от категоричных оценочных суждений «за» – «против» видится Феррандо перспективным в плане апелляции к технике как к вспоможению для проникновения в потаённое, конкретнее, для актуализации постчеловеческих потенций – того, что было историческим гуманизмом отправлено в разряд маргинального.

Выскажу ряд возражений, начав с прямой цитаты из «Чёрных тетрадей», с записи о том, что «техника и человеческая сущность в *равной мере* затянуты в водоворот... бытия как махинации...» [5, с. 453]. Понятно, «махинация» указывает здесь не столько на мошенничество, сколько на движущуюся машинерию, однако и «мошеннические» смыслы тут налицо. Далее к традиционному сюжету хайдеггерианы: *технэ* у немецкого философа имеет положительную ценность тогда и только тогда, когда оно сопряжено с *поэзисом*, выступая, по сути, его сподручным; в отрыве от *поэзиса*, что как раз характерно для современной цивилизации, *технэ* негативно. В подтверждение чего сошлюсь на критикующего хайдеггерианство и не близкого мне по умунастроению Эммануэля Левинаса, на его приветственную констатацию того, что техника находится по ту сторону пастушества бытия: она не втягивает, напротив, «вырывает нас из хайдеггеровского мира...» [1, с. 522]. Теперь о толковании Хайдеггером и его комментаторами *алетейи* – истины, становящейся доступной нам не без помощи техники. Для Феррандо *алетейя* есть нечто открытое, для меня – несокрытое. Речь не о степени полноты раскрытия, а о том, оставляет ли полнота раскрытия ген потаённости-сокровенности в истине, защищающий её от падения в область мнений, конвенций и товарноденежных медиапрактик, – или же потаённость-сокровенность и эксклюзивность-элитарность истины искореняются напрочь. Постгуманизм, в том числе и в вопросе об истине, пародирует демократию. Хайдеггер – и не пародист, и не демократ.

Нахождение истины предполагает остановку в череде идентификационных процедур и трансляцию того, что истинным образом найдено тобой, в твои последующие жизненные состояния. Постгуманизм с его перманентным расщеплением индивидуальности и запретом на всякую устойчивую тождественность заведомо отступает от истины в угоду псевдоистинным, донельзя релятивным конструкциям, возводимым посредством медиаинструментария.

Постгуманистический сценарий, будучи реализованным, превратит индивидуума в сингулярию или актантшу – пустышку, готовую к наполнению любым материалом; в содержанку системы медиапрактик, не способную к сопротивлению внешнему прессингу. Перед нами, по сути, отзеркаленный аспект нищезанятия: вместо вечного возвращения того же самого – вечное убежание перманентно инакового. Хотя итог схож: асимптотическое приближение к состоянию по ту сторону добра и зла. Прогрессирующее умножение различий неуклонно ведёт к финальному неразличению некогда различаемого. Дозированно, не целиком, принимая антропологический пессимизм Эмиля Мишеля Чорана, соглашусь с ним в том, что помешанный на новациях человек цивилизации, а сегодня он молится на пришествие постчеловека, «хотел бы, чтобы в жизни властвовала одна сплошная, монотонная, рутинная *аномалия...*»; ускользающие от неё обвиняются «в обскурантизме и всяческих чрезмерностях» [6, с. 47].

Тот, кто противится опустошению и потере идентифицирующих констант, становится по факту *новым другим* и оказывается включённым в ту же дуалистическую (с некоторой корректировкой) схему, против которой в своих декларациях постгуманизм активно выступает. Да, это и не строгий дуализм картезианского типа с двумя противостоящими друг другу средоточиями (включая делёзовскую оппозицию «хорошего» шизофреника и «плохого» параноика), и не диалектическая дуальность единого (даосского типа, например). В панораме сущего у Феррандо только один, вызывающий у неё нескрываемое раздражение, полюс средоточия. Его удерживает на последнем рубеже белый мужчина гетеросексуальной ориентации. Другой полюс

раздроблен, размыт, опустошён. Но и будучи таковым, он существует как апофатически определяемая полярная координата.

Практикуемый постгуманизмом недialeктический отказ от дуализма в пользу тотальной плюральности требует дискредитации и разрушения мировоззрения, пренебрегающего феминистскими и постколониальными стандартами. С этой целью белому гетеросексуалу навязывается чувство коллективной вины. Отчасти логичный, конечно, но оттого не становящийся менее отвратительным приём. Феррандо без стеснения говорит о «мести» аутсайдеров. Что ж, пусть усердствуют. Вот только перспектив никаких. Всякая месть фатально запаздывает. И всякому аутсайдеру следовало бы изначально знать: к каждому в этой жизни относятся так, как он позволяет к себе относиться.

Чем ответить? Экзистенциальной крепостью своих природно-культурных качеств. И никакого покаяния – не дождутся.

Список литературы

1. *Левинас, Э.* Трудная свобода / Э. Левинас // Избранное: Трудная свобода. – Пер. с франц. Г.В. Вдовиной. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 319–590.
2. *Лоренц, К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц // Так называемое зло. – Пер. с нем. А.И. Фёдорова; под ред. А.В. Гладкого. – Москва: Культурная революция, 2008. – С. 7–83.
3. *Фатенков, А.Н.* Идиллия гуманизма и реалии человечности / А.Н. Фатенков // Человек. – 2009. – № 4. – С. 32–47.
4. *Феррандо, Ф.* Философский постгуманизм / Ф. Феррандо. – Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
5. *Хайдеггер, М.* Размышления VII–XI (Чёрные тетради 1938–1939) / М. Хайдеггер. – Пер. с нем. А.Б. Григорьева; науч. ред. М. Маяцкий. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
6. *Чоран, Э.М.* Падение во время / Э.М. Чоран. – Пер. с франц. В.А. Никитина. – Москва: Опустошитель, 2022. – 160 с.

References

1. *Levinas E.* Difficult freedom. Transl. from French. G.V. Vdovina. Favorites: Difficult freedom. Moscow: ROSSPEN, 2004. Pp. 319–590. (In Russ.)
2. *Lorenz K.* Eight deadly sins of civilized humanity. The so-called evil. Transl. from German A.I. Fedorova, ed. by A.V. Smooth. Moscow: Cultural Revolution, 2008. Pp. 7–83. (In Russ.)
3. *Fatenkov AN.* Idyll of humanism and the realities of humanity. Man. 2009;4:32-47. (In Russ.)
4. *Ferrando F.* Philosophical posthumanism. Transl. from Engl. D. Kralechkina; ed. by A. Pavlova. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2022. 360 p. (In Russ.)
5. *Heidegger M.* Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939). Transl. from German A.B. Grigoriev; ed. by M. Mayatsky. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 528 p. (In Russ.)
6. *Choran EM.* Fall during. Transl. from French V.A. Nikitina. Moscow: Opustoshitel, 2022. 160 p. (In Russ.)

Информация об авторе

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 6226-1098. **E-mail:** fatenkov@fsn.unn.ru

Information about the author

FATENKOV Alexey N. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 6226-1098. **E-mail:** fatenkov@fsn.unn.ru